

Пять тридцать утра. Город еще не успел окончательно проснуться, и лишь тонкая полоска белесого света на горизонте робко очерчивала размытые контуры старого жилого дома, вырывая их из ночного мрака.

Будильник должен был прозвенеть через несколько минут, но Фан Синхэ уже открыл глаза.

В его взгляде не было ни сонной одури, ни свойственного юности желания поваляться в постели — лишь глубокая, сосредоточенная ясность. Казалось, внутри него встроен биологический таймер, работающий точнее любого механического будильника.

Он полежал неподвижно несколько секунд, прислушиваясь к щебету ранних птиц за окном и едва уловимому гулу первого автобуса, проезжавшего по отдаленной улице, после чего откинул тонкое одеяло.

Его комната была пугающе тесной: меньше десяти квадратных метров. Скрипучая односпальная кровать, старый письменный стол с облупившейся краской да самодельный шкаф из стальных трубок и брезента — вот и всё убранство, оставившее лишь узкий пяточок для разворота.

И все же в этом крошечном пространстве царил идеальный порядок.

Книги, рассортированные по росту и предметам, стояли на краю стола, словно солдаты на смотре. Простыни были натянуты так, что не найти ни единой складки. Единственные выстиранные до белизны джинсы висели на ржавом крючке у окна, идеально отглаженные по стрелкам.

Эта аккуратность была порождена не досугом, а суровой дисциплиной, выкованной скудной жизнью. Казалось, только через абсолютный контроль над этим ограниченным пространством он мог обрести хоть крупицу безопасности для себя и матери в мире, полном неопределенности.

Он бесшумно поднялся и взял со спинки стула бело-синюю школьную форму. Воротник на ней уже потерялся, но ткань была тщательно выстирана. На самом деле это была форма еще со старших классов, но он продолжал носить ее и в университете.

Причина была проста: вещь износостойкая, и не нужно ломать голову, что надеть утром. Он ловко переоделся, схватил туалетные принадлежности и на цыпочках вышел из комнаты.

Общая ванная находилась в конце коридора. Он открутил кран, пустил тонкую струйку воды, зачерпнул ледяную влагу в ладони и плеснул себе на лицо.

Пронизывающий холод мгновенно разогнал остатки сна, придав бодрости. Тщательно вытеревшись полотенцем, он прошел на кухню, которая была еще теснее комнаты.

Мать, Чжоу Хуэй, еще спала в соседней комнате — доносилось ее ровное дыхание, изредка прерываемое коротким сухим кашлем.

Фан Синхэ двигался еще осторожнее, словно боясь потревожить хрупкий сон. Он открыл крышку бака с рисом, мерным пластиковым стаканчиком отмерил чуть меньше половины, аккуратно высыпал в миску и, включив едва заметный напор воды, быстро промыл дважды.

Прозрачные капли стекали с рисинок. Он высчитал порцию до грамма, чтобы не было ни лишнего, ни недостающего.

Пересыпав рис в старенькую чашу мультиварки, он добавил воды. Затем подобрал в углу половину тыквы, кожура которой уже утратила свежесть, вымыл ее, очистил и нарезал на ровные кусочки, отправив в котел.

Желтые кубики тыквы медленно оседали на дно, контрастируя с белизной риса. Эта тыквенная каша была их завтраком, а для матери — еще и простым обедом.

Фан Синхэ в уме подсчитал расходы: рис куплен по акции на прошлой неделе по два с половиной юаня за полкило, на кашу ушло граммов сто пятьдесят — это семьдесят пять фэней; тыква — уценка с вечернего рынка, тридцать фэней.

Вода и электричество... Он помедлил и решил их не учитывать. Всего чуть больше юаня за два приема пищи. Эта цифра немного ослабила тугую пружину тревоги у него в груди.

Пока каша варилась, он вернулся к столу, чтобы повторить материал. Настольная лампа отбрасывала тусклый, но сфокусированный круг света, освещая учебник по микроэкономике.

Страницы давно истрепались, а пустые поля были густо исписаны разноцветными заметками и комментариями. Скоро должны были объявить списки на стипендию, и он обязан удержать первое место на курсе.

Стипендия первой степени — восемь тысяч юаней. Для него эта сумма была огромной, она покрывала стоимость обучения за следующий год, возможно, еще оставалось на лекарства от ревматизма для матери.

При мысли о том, как мать страдает от болезней, заработанных тяжким трудом, и как ворочается без сна в дождливые ночи, взгляд Фан Синхэ стал еще сосредоточеннее. Пальцы крепче сжали ручку, и шорох стержня по бумаге в предутренней тишине звучал особенно четко и решительно.

Отец погиб на стройке, когда мальчику было десять. Недобросовестный прораб сбежал той же ночью, и те гроши, что удалось получить в качестве компенсации, давно ушли на лечение матери и его учебу.

С тех пор Фан Синхэ понял: бремя ответственности за этот шаткий дом легло на его еще неокрепшие плечи.

Он рос, словно растение в расщелине скалы: без плодородной почвы, без обильных дождей, вынужденный с ранних лет учиться хвататься за каждый луч солнца, за каждую каплю влаги, чтобы упрямо и молча тянуться вверх.

— Синхэ... почему ты опять так рано? — раздался из комнаты сонный, хриплый голос матери, за которым последовала серия сдавленных кашлей.

Фан Синхэ тут же отложил ручку, взял заранее приготовленный стакан с теплой водой и быстро подошел к ней:

— Мам, ты проснулась? Выпей, горло промочи. Еще рано, полежи еще, каша скоро будет готова.

Он приоткрыл дверь и увидел, как Чжоу Хуэй пытается сесть. В полумраке ее лицо казалось бледным, но взгляд, устремленный на сына, был полон нежности и едва уловимого чувства вины. Фан Синхэ подложил ей под спину подушку, помогая устроиться поудобнее.

— Со мной всё хорошо, просто в горле пересохло, — Чжоу Хуэй сделала глоток, и теплая вода, казалось, принесла облегчение. Она смотрела на худое лицо сына с болью в сердце. — Не думай обо мне так много, поспи еще. Учеба отнимает столько сил, нельзя же так без отдыха.

— Я знаю, со мной всё в порядке, я молодой, пяти-шести часов вполне хватает, — улыбнулся Фан Синхэ, пытаясь разрядить обстановку. — Сегодня первая пара у профессора Вана, он читает быстро, мне нужно успеть в библиотеку подготовиться. В каше тыква, она должна быть очень сладкой, съешь побольше.

В этот момент на тумбочке зазвонил старый телефон. На экране мигала надпись Старшая сестра. Звонила тетя из деревни. Фан Синхэ подал матери телефон и вышел.

— Алло, сестренка... Да нет, мне уже лучше, это всё старые болячки, не обращай внимания... Синхэ? Да, он такой молодец, в учебе я за него совсем не переживаю. Представляешь, в прошлом семестре снова получил стипендию первой степени, несколько тысяч! Говорит, вот закончит учебу, устроится на работу и заберет меня в город на покой... — голос Чжоу Хуэй стал нарочито бодрым, она выдавила улыбку, словно тяготы жизни никогда не касались ее, и в каждом слове звучала гордость за сына.

Фан Синхэ молча вернулся на кухню. Слушая вынужденно веселый голос матери и глядя на пар, вырывающийся из отверстия мультиварки, он чувствовал, как внутри перемешались все вкусы жизни: горечь, сладость, соль. Говорить только о хорошем, скрывая беды — стало их негласным правилом. Как он мог сказать матери, что ради покупки дорогих учебников для обязательных курсов он всю ночь до двух часов помогал однокурснику систематизировать

конспекты, заработав сто пятьдесят юаней? И как признаться, что после занятий ему нужно бежать на подработку в караоке, пропитанное табаком и алкоголем, место, которое вызывало у него лишь отвращение?

Разговор длился минут десять. Чжоу Хуэй положила телефон и, глядя на занятую спину сына, не удержалась от вздоха:

— Синхэ, я знаю, как тебе тяжело... не экономь на себе, ешь досыта. Посмотри, ты еще больше похудел. Самый возраст для роста...

— Мам, правда, не выдумывай. В нашей столовой кормят отлично, порция с мясом и овощами стоит всего восемь юаней, дешевле, чем где-либо еще, я всегда сыт, — перебил ее Фан Синхэ. Он мастерски выключил плиту, наложил в миску разварившуюся золотисто-белую кашу и поставил перед матерью. — Ешь, пока горячая, тыква совсем разварилась, очень сладкая.

Убедившись, что мать взялась за ложку, он наложил себе. Он не стал садиться, а ел быстро, стоя у плиты. Каша обжигала, но он словно не замечал этого, думая лишь о том, как успеть добраться до библиотеки к открытию.

Закончив, он ловко вымыл посуду и протер тряпкой стол и раковину. Затем подошел к тумбочке, проверил лекарства, убедившись, что все таблетки на день разложены, и поставил рядом стакан воды.

— Мам, я ушел. Каша в мультиварке, будет теплой, ешь осторожно, не обожгись. И не забудь про лекарства, если станет плохо — звони, — он закинул на плечи выцветший, местами потертый рюкзак, доверху набитый книгами и конспектами.

— Смотри по сторонам, когда переходишь дорогу, — с тревогой напутствовала Чжоу Хуэй, провожая сына взглядом.

— Хорошо, я понял, — ответил Фан Синхэ и тихо закрыл за собой дверь. Старая защелка щелкнула, эхом отозвавшись в пустом коридоре.

На улице его встретил прохладный утренний воздух, придавший новых сил. На востоке, в светлеющем небе, отчетливо сияла утренняя звезда, излучая холодный, упорный свет. Фан Синхэ остановился у ворот жилого комплекса и по привычке оглянулся на четвертый этаж. На стекле окна виднелась тонкая трещинка — прошлой зимой сосед задел его сушилкой для белья, так и не собрались заменить. Там, за этим стеклом, был самый дорогой ему человек и весь смысл его борьбы.

Его взгляд, ясный и решительный, отражал первые лучи солнца, пробивающиеся на горизонте. Он был похож на ту самую утреннюю звезду, которая вот-вот скроется в солнечном свете, но до последнего продолжает гореть. Он знал: он — единственная надежда матери, тяжелое бремя будущего этого дома. У него нет за спиной отца, на которого можно опереться, нет времени на

беззаботную юность, нет даже права на передышку. У него нет пути назад, только вперед — он обязан идти, неся на своих еще хрупких, но невероятно сильных плечах небо, которое защитит мать от любых невзгод.

Он сделал глубокий вдох, развернулся и зашагал прочь. Его тонкая, но прямая фигура растворилась в постепенно оживающем потоке людей и машин, направляясь к университету — символу знаний и надежды на другом конце города.

<http://bllate.org/book/19580/1920016>